

УДК: 94(5)+811.512.144

**КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ХОРОНИМ ЧОНГАР И «ГУННСКИЙ»
ОЙКОНИМ ЧУНГАРС В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА
О ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДОХАЗАРСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА**

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», Махачкала

E-mail: garun48@mail.ru

В докладе на основе установления генетического родства кр.-тат. *Чонгъар* (хороним) с «гуннским» ойконимом *Чунгарс* (V–VII вв.), оронимом кум. *Чонкъя-тау* (< кум. *чонкъ* «яма; впадина» ~ *чунгур* «крытвина») и не собственно чеченским патронимом (тейпом) *Чунгур(ой)* из ущелья р. Аргун и др. на Северо-Восточном Кавказе делается вывод об их бытовании как наследия древнебулгарской речи рассматриваемых и иных регионов, вошедших в дальнейшем в состав Хазарского каганата.

Ключевые слова: хороним, гидроним, крымскотатарский, Крым, Северо-Восточный Кавказ, древнебулгарский, Хазарский каганат.

ВВЕДЕНИЕ

В отношении языковой принадлежности дохазарского населения Крыма бытует хрестоматийное мнение о том, что оно появилось в его пределах довольно поздно. Полагают, что во время вторжения гуннов в 370–380-е годы последние прошли мимо Боспорского государства в Крыму. Затем во второй половине V – начале VI вв. на него распространился «протекторат» гуннского племени утигуров. В VII веке здесь упоминаются болгары (булгары), в конце VII века почти весь Крым захватили хазары, и в начале VIII века Крым разделили между собой Византия и Хазария [см.: 31; 34].

Однако в последние годы было установлено, что в Крыму еще в догуннское время было известно булгарское население [20, с. 25]. Затем Иордан в середине VI в. указывал на то, что часть из них (булгары-алтзиагиры) кочевала у Херсонеса Крымского – в степях летом, зимой – у понтийских берегов [19, с. 62]. Не исключена в принципе и аналогичная языковая принадлежность загадочных крымских *тавров* [др.-греч. Ταύροι, Ταῦροι с дифтонгом αῦ = aw (*tawr-oj* при отсутствии специального обозначения для *v*)]. Они были известны здесь в VI в. до н. э. – I в. н. э., впервые упоминаясь в гористой области Южного Крыма между Евпаторией и Херсонесом [52, с. 5–28].

Источником этнонима мог послужить соответствующий репрезентат праторк. *tāγ «гора» (ср. чув. диал. *tāv* «гора, холм, возвышенность» > чув. лит. *tu*). Он развился в древнечувакском языке до IX в. в результате действия процессов, в частности, в односложных словах. В них праторк. *-γ > -v в ауслаутной позиции в результате стяжения с гласным, обусловивших выделение до I20 г. до н. э. булгарской группы [см.: 28, с. 66; 29, с. 254; 44, с. 693, 734, рис. 5; 45, с. 48, 67–68]; ср. *Тавр* – название хребта в нынешней Турции < греч. *Taurus* < семит. *tūr* «гора» [6, с. 487].

На возможность более раннего развития отмеченного процесса в Крыму указывает то, что он оказался не включенным в число тех историко-фонетических явлений, которые были проанализированы наряду с датировкой выделения болгарского из пратюркской общности [см. 45, с. 723]. Дополнительное свидетельство – известная в южном огузском (татском) диалекте крымскотатарского языка, носители которого были представлены (в прошлой области расселения тавров) с XV–XVI вв. от Байдар до Феодосии (Кафы), тотальной болгарской спирантизации *къ > х*. Она завершилась в неконечной позиции древнечувашского (болгарского) языка к VIII в. – до прихода предков чувашей на Волгу, а также в ауслaute дунайско-болгарских болгаризмов южнославянских языков, также усвоенных ранее VIII–IX вв. [см.: 18, с. 17, 28, 31, 78–79].

Не исключено, что на Северо-Восточном Кавказе, согласно письму кагана Иосифа X в., аналогом рассматриваемого этнонима является название страны («долины») *TDLW*, название которой читалось П. К. Коковцевым и как *TDWL*. В ее конце находился Семендер, в другом, по мнению М. А. Артамонова, – Дербент [2, с. 273; 16, с. 156].

Имея же в виду известное сходство в иврите начертаний букв, обозначающих звуки [*d*, *ḏ*] и [*w*], не исключено также чтение **TW-LW*, подобное [*taw-r-oj*], где *-LW* может рассматриваться как аффикс относительных прилагательных [54, с. 110], т. е. «горный, горная (долина)». Тот же корень (+ праалтайский аффикс собирательной множественности *-*s*, сохранившийся в чувашских (!) собирательных числительных [45, с. 709]) мог отложиться и в первой части названия одной из горных областей Дагестана, входивших в состав Хазарского каганата, – *Тава-с-аран / Таба-с-аран (Табар-с-аран арабских источников)*.

Вторая – из пратюрк. **aran* «загон» с параллелями в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках (возможно, праалтайский уровень). Предполагаемое исходное значение – «яма-ловушка» [43, с. 523–524] аналогично вышеупомянутому – «горный, горная (долина)».

Цель исследования

Решению главного вопроса о языковой принадлежности дохазарского населения Крыма и Северо-Восточного Кавказа способствует рассмотрение широкого круга собственно языковых, главным образом топонимических данных. Крайними базовыми точками рассматриваемой при этом топонимической изоглоссы являются крымско-татарский (*Чонгар*) и «гуннский» (*Чунгарс*) хоронимы в пределах Крыма и Северо-Восточного Кавказа. К рассмотрению привлекаются и иные топонимы обоих регионов, а также отдельные этнонимы и этниконы.

В основе анализа лежит положение как крымской (см. выше), так и северокавказской области первоначального распространения древних болгарских диалектов со II века до н. э. на Черноморское побережье – со времен Страбона. Субстратные болгаро-огузские элементы осетинского языка на Центральном Кавказе рассматриваются как следствие продвижения его носителей на Северный Кавказ с юга в позднехазарское время [19 с. 61–63, 66; 21, с. 526; 22, с. 20–26].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Крым

Вопрос о происхождении кр.-тат. *Чонъгъар* (Чонгар), отложившегося в обозначении хоронима Чонгарский полуостров, издавна, с 20-х гг. XIX в., привлекал внимание исследователей. Исчерпывающая сводка этимологий данного онима (В. Х. Кондараки, А. И. Маркевич, В. К. Гарагуля, Ю. А. Шилов и др.) содержится в работе В. А. Бушакова, который показал их неудовлетворительный характер. Вместе с тем, по его мнению, «неправильно связывать топоним *Чонгар* только с Чонгарским полуостровом», так как еще в середине XVIII – начале XIX вв. в северо-восточной (равнинной) части Крымского полуострова были известны кадылыки под аналогичным названием Чонгар. Именно подобная локализация (об этом говорит ремарка о необходимости ее учета в его квалификационной работе [8, с. 18]) и позволяет В. А. Бушакову возвести его к крымскому (ногайскому) апеллятиву *чонъгъар* «широкая и плоская равнина, степь», засвидетельствованному в народной поэзии в значении «степной простор, необозримая степь» и восходящему, на его взгляд, к тюркскому или монгольскому *çalqar* «широкий, большой, просторный, необозримый». Мотивация: в середине слов старописьменного монгольского языка *ñ* возникла на месте *l*, а в случае тюркского *çalqar* глухая фонема *q* перешла в звонкое *ğ* при известности аналогичных чередований в тюркских языках [7].

Однако им при этом не было учтено, что, кроме неясностей в вокализме (-o/-a), сонорный *l* в древнемонгольском языке никаким изменениям не подвергался, и лишь при словообразовании в отдельных монгольских языках наблюдаются весьма редкие чередования *l ~ n* (но древнемонгольский *ñ* в подобные чередования не вступает) [39, с. 123]. В тюркских же языках развитие *l > ñ* имеет место только в говорах казахского и уйгурского языков [42, с. 389].

Северо-Восточный Кавказ

Соответствующий оним имеет более древний характер в тюркских языках, будучи исторически представленным на Северо-Восточном Кавказе в эпоху до образования Хазарского каганата. Так, по данным «Нового списка» «Армянской географии» (автор – Моисей Хоренский (V в.) или Ананий Ширакаци, VII в.) [14, с. 24], «к северу (от Дербента) близ моря находится ... царство гуннов на западе у Кавказа город гуннов, Вараджан, а также (затем) города гуннов *Чунгарс* и Мсндр» (Семендер?) [11, с. 142].

Важно, что «название этого города больше нигде не встречается» [2, с. 184. прим. 4], и он связывается с Андрейаульским городищем, расположенным в районе предгорного кумыкского с. Эндирей [14, с. 163, 182]. С *Чунгарсом*, однако, соотносят и другой «гуннский» город того же времени – Олугбендер [4, с. 138] (Вабандар). Он впервые упоминается в 722/723 гг. и также локализуется в предгорьях [см.: 14, с. 163, 182; 15, с. 169].

И речь должна идти не об азиатских гуннах, с которыми связывается «страна (царство) гуннов», территориальные пределы которой традиционно ограничиваются равнинными территориями Дагестана к северу от Дербента [13, с.15], а булгарах-хоно-

гурах – одном из протокумыкских племён. Они переместились уже к середине VII в. на Балканы под предводительством Аспаруха [18, с. 9].

Лишь к началу VIII в. Хазарский каганат, возникший к середине VII в., стал включать в свой состав степи и предгорья Дагестана, Прикубанье, приазовские степи и большую часть Крыма [14, с. 86]. Бытование же рассматриваемых названий в Крыму и Дагестане было обусловлено их общей принадлежностью к языку древнего болгароязычного населения. Оно (см. в последующем изложении) занимало также всё пространство между этими двумя регионами.

Далее к северу от нынешнего Дагестана наименование рассматриваемого города находит свой аналог в названии представителей чеченского тейпа (фратрии) *Чунгур-ой*, поселившихся среди прочих выходцев из Аргунского ущелья в с. Старые (Йокха «Большие») Атаги, расположенном в предгорной части нижнего течения р. Аргун. Они же известны среди населения ареально смежных г. Урус-Мартана, селений Комсомольское, Гойты и Алхан-Юрт соседнего Урус-Мартановского района, расположенных в западной предгорной и равнинной (Малой) Чечне, а также в надтеречных чеченских селениях Макане (Мекен-Юрт) и Зебир-Юрт [47, с. 131, 75, 110, 120; 48, с. 85, 87], основанных к началу XIX в. переселенцами из собственно Чечни. В некоторых из них они имеют свои кварталы и считаются довольно многочисленными.

Показательно при этом, что одни исследователи включают *Чунгур-ой* в число основных корневых чеченских тайпов [36, с. 23], другие исключают его из числа чеченских тухумов (фратрий), сравнивая его наименование с названием андийского селения *Чанко* Ботлихского района РД (расположено на левом берегу одноименной реки, впадающей в Андийское Койсу), что дает основание предполагать его не(вай)нахское (дагестанское) происхождение [3; 25, с. 222]. Тем более что соответствующий населенный пункт в Чечне с аналогичным названием, согласно сведениям А. Сулейманова, картографировавшего тайпы Чечни и общества Ингушетии, отсутствует.

Историко-этимологический анализ

Рассматриваемое наименование в силу того, что оно локализуется в Сивашской впадине, в пределах которой озеро Сиваш делится узким Чонгарским проливом на восточную и западную части, может быть соотнесено с отсутствующим в древнетюркском языке кум. *чонгур/чунгур* (х.-юрт. диал.) «яма, впадина; воронка; ров; рытвина» (< кум. *чонкъ* «яма; впадина» [32, с. 210; 35, с. 360, 361], откуда и кум. *Чонкъа-тав* – название хребта в Дагестане), соотносящимся с кирг. *чын* «крутой горный обрыв», «неприступная гора», каз. *шын* «горная крутизна», к.-калп. *шунгкыр*, башк. *сѳнкѳ* «глубокий» (о посуде) при чув. *чѳнкѳ* «крутой», «обрывистый», «крутизна» (ср. в последнем случае и анд. *Чанко*), откуда мар. *чанга*, *чонга* «вершина, холм, горка, бугорок» [29, с. 320; 50, с. 403]. Сюда же следует присовокупить к.-балк. *цунг-нгур*, куман. *чугъур*, караим. *чукъур*, *чукъыр*, *чугъур*, *цугъур*, *джуъур*, *дзугъур*, кр.-тат. *чукъур* «яма», «нора», «воронка», «впадина», корневая часть которых отождествляется с туркменским *чунг* «глубокий овраг», а *-нгур* считается отыменным

аффиксом, присоединяемым к односложным именным и глагольным основам для образования существительных и прилагательных [51, с. 210]. При этом в крымскотатарской оронимике известны как *Чукур-Кая* (имеется в виду седловина между вершиной и отрогом горы в районе Феодосии), так и *Чунгур-Кая* (в районе Алушты) [49]. При этом гласный *-у-* аффикса вызвал, надо полагать, сужение корневого *-о-* при различной рефлексации сонанта *h* в вышеприведенных лексических формах кыпчакских, огузских и чувашского языков [42, с. 68, 30–342].

Вместе с тем в кр.-тат. *Чонъгъар* и «гуннском» *Чунгарс* имела место редукция узкого гласного второго слога, которая в позиции перед сонантом в тюркских языках могла вызвать (ср. выше формы с утраченным инлаутным *-*h-*) его исчезновение [53, с. 67]. Она была завершена ко времени появления носителей древнебулгарского языка в Поволжье в IX в., когда в нем началась редукция широких гласных. В кыпчакских же языках эта редукция осуществляется под влиянием болгарских и начинается никак не ранее второй половины XIII и не позже середины XV вв. [44, с. 255, 680].

Имея же в виду, что до реформы XII в. армянского алфавита в нём посредством одной графемы передавались звуки [o] и [y] [9, с. 45], для названия «гуннского» города *Чунгарс*, известного в пределах исторической Кумыкии на Северо-Восточном Кавказе в V–VII вв., представляется возможным допустить чтение исходного *-о-*, подобно кр.-тат. *Чонъгъар*, в котором сохранилось исходное *-о-*. Таким образом, оба слова имеют более ранний древнебулгарский облик, чем чув. *чӑнкӑ* «крутой», «обрывистый», «крутизна», в котором чув. *-ӑп-* восходит к сочетанию сонанта с праторк. **ǫ* [44, с. 679, табл. 3] и могло развиваться после IX в., когда древние болгары – предки чувашей – появляются на Волге, точнее – ко времени утраты велярного сонанта *-nh(h)* в среднечувашском, относящемся к XIV–XV вв. [44, с. 680, 704–705].

Тогда же, видимо, имело место и возникновение названия андийского с. Чанко, которое может восходить к исходному **Чанкав* «совокупность ям, впадин» ввиду известности в андийском языке нисходящих дифтонгов, например, *ав* [38, с. 276] и возможности их делабиализации (*-ав > -о*), подобно передаче собирательного значения аффиксом *-ав*, как в тюркских числительных [54, с. 151–152]. Не случайно в данном языке отразились субстратные фонетические процессы, отражающие влияние кумыкского языка [23, с. 59, прим. 51; с. 62, прим. 61].

Всё это в контексте отмеченного исходного (северокавказского) региона распространения древних болгарских диалектов может считаться одним из аргументов в пользу того, что древнебулгарский ареал мог также включать Крым. Это могло иметь место как в упомянутую догуннскую, так и в раннехазарскую эпоху до того, как носители соответствующих болгарских диалектов появились в Поволжье.

Локализация ойконима и ареал распространения болгароязычного населения на Северо-Восточном Кавказе

Форма *Чунгарс* указывает на то, что соответствующий «гуннский» город находился на реке **Чунгур-су*. Ее название можно соотнести с р. Чанты-Аргун в Западной горной Чечне, так как тейп *Чунгур-ой* первоначально локализовался в ущелье реки

Аргун. Первая часть ее чеченского наименования (чеч. *Чаьнт-ий-Орга*) отвечает чув. *чӑнкӑ* с выпадением инлаутного -к- + чеченский послелог места *-mle* [ср. бацбийский ойконим *Чантлю* в верхнем течении реки Андийское Койсу в ареально смежной (Тушетия) грузинской части Северного Кавказа, где локализуется и Пшавети, откуда вытекает Чанты-Аргун]. Тем более что семантически близким к рассматриваемому является более поздняя, надо полагать, вторая (Аргун) часть названия той же реки (ср. упомянутую на «очень высоких горах» после Дербента в пространной редакции письма кагана Иосифа X в. страну *Ар-ку* [33, с. 98], название которой представляется возможным возвести к более раннему др.-тюрк. *arqu* «изрезанный ущельями» (о горах) (VIII в.), чем позднейшему *argu* (Кашгари, XI в.) «долина между горами» [27, с. 51, 54]). Последней позднейшей форме и отвечает вост.-горночеч. (чеберлойское) *'ārgu* – исторически первичное по отношению к чеч. лит. *Orga* [30, с. 84] «Аргун». Обе формы носят более поздний характер, чем рассматриваемое болгарское, название данной реки. Это позволяет полагать, что речь в армянских источниках идет о горной области, находившейся по течению вышеуказанной реки. Кроме того, обращает на себя внимание близость вышеупомянутого др.-тюрк. *arqu* и реки Аргун к названию *Ар-к-нус* страны хазар со столицей *Казар* из Кембриджского анонима – отрывка из письма неизвестного хазарского еврея X века [33, с. 154], дальнейшая интерпретация которого не входит в число целей данной работы.

Тейп *Чунгурой*, по легенде, связывается с обществом *Дишний-Мохк* [3], досл. «дышниецев земля (страна)» (< огуз. *дыш* «внешний, наружный» при обще-, межтюрк. даш «внешняя, наружная сторона (часть)» [55, с. 164–165]). Оно локализовалось по верхнему левобережью р. Чанты-Аргун, и представители этого тейпа проживают также в с. Дишни-Ведана общества Харачой, которое граничит с с. Анди, ареально смежном с уже упоминавшимся с. *Чанко* в Дагестане, а *Дишний* – с обществом *Тер-л-ой* [46, с. 193; 48, с. 220–221, карта] (< др.-тюрк. *tör/törä* «место, против входа, почетное место» (в юрте), *tör* «ценность, значение», *törä* «закон, обычай» [27, с. 580]), ср. *тоьрели* – потомки Чингизхана у казахов.

Что касается локализации города на р. *Чунгарсу*, то обращает на себя внимание возможность его отождествления с аулом *Фаранз-Кхелли* [17, с. 43] / *Васар-кхелли* [37]. Первая часть обоих вариантов может представлять собой метатезное отражение атипичного соответствия **-rs- ~ *-z-*, восходящего к **-rs- ~ *-řs-* пратюркского времени, к числу следствий которого относится соответствие чув. *vazan* «долина, ложбина» ~ станд.-тюрк. **ozen* «река, русло реки» [45, с. 36], + показатель множественности *-з*, присущий древним тюркским языкам Северо-Восточного Кавказа, представлявшего собой разрушенный город-крепость. Он располагался на правом берегу верхнего течения р. Чанты-Аргун в обществе *Май-ста* (< **Умай-стан*, ср. *Даге-стан*) на нынешней границе Чечни и Грузии (Хевсуретии), что указывает на его важное стратегическое значение, и в нём был распространен древний тюркский культ богини Умай. Был захвачен в прошлом, согласно преданию, евреями (хазарами) [17, с. 43].

Анлаутное *ф-* в *Фаранз-Кхелли* характерно для говора соседнего *Май-ста* общества *Маьлхи-ста* [1, с. 172–173, вкладка], локализуемого на левом берегу р. Чан-

ты-Аргуна на границе с Хевсуретией (Грузия) и граничащего вниз по его течению с платившим подати шамхалу Тарковскому обществом *Кейн-мохк*, часть которого имеет кумыкское происхождение [26, с. 29, 89]. При этом хороним *Маьлхи-стан в первой своей части может быть возведен к упоминаемому в «Дербенд-Наме» (источник по истории Дагестана и северо-восточного Азербайджана в V–XI вв.) болгарскому ойкониму *Балх(и)* в значении «город», «крепость», идентифицируемому в этой связи не только с такими стратегическими точками, как нынешнее кумыкское с. Эндирей, контролировавшее путь с равнины в горы, но и по течению Андийского Койсу с андийским с. Ботлих, через которое идет путь в нынешнюю Чечню [24, с. 87]. Развитие анлаутного *м-* на месте *б-* в *Маьлхи-ста*, свидетельствующее о его кыпчакском звучании [28, с. 40], указывает на аналогичное время, не ранее которого (прихода кыпчаков, сменивших здесь болгар Каганата, контролировавших посредством названной крепости один из проходов по течению р. *Чунгарсу* (Чанты-Аргуна) в Закавказье, которое входило в сферу влияния арабов) оно могло стать известным поселившимся здесь будущим носителям чеченского языка.

На прошлый социальный статус его болгаро-тюркского населения, подобно обществу *Кейн-мохк*, указывает, в частности, то, что еще в XX веке в Чечне были известны князья Дышинские, один из которых Дудар в конце XVIII в. был изгнан из соседнего *Дишин-ий* общества *Чаьнт-ий* [10], располагавшегося на правом берегу одноименной реки. Всё это говорит о том, что практически по всему верхнему течению реки Чанты-Аргуна, точнее – Чунгарсу, было представлено тюрко-болгарское население, о котором или городе-крепости, находившемся в его пределах, могла идти речь в вышеупомянутых раннесредневековых источниках, в которых он упоминается. И предание о захвате города-крепости евреями отражает, надо полагать, завоевание этой области хазарами-иудеями и ее включение в Каганат, возможно, после принятия иудаизма его правящей верхушкой, каковое имело место в первой четверти VIII в. или в начале IX в. [2, с. 268].

О гораздо более обширном ареале распространения сферы его влияния говорит то, что в состав Хазарского каганата, как считает М. А. Агларов, могла входить, согласно преданию о «еврейском» (хазарском) происхождении жителей андийского аула *Муни*, соседнего уже упоминавшимся селениям *Чанко* и *Ботлих*, вся территория по левому берегу Андийского Койсу. Она принадлежала обширному государству *Жугьутхана* (досл. «Еврейский хан»), которому подчинялись и верхнеандийские села, а правобережные земли – Суракату Аварскому, но при этом, по его мнению, они не входили в состав Хазарского каганата. Земли Жугьутхана простирались в горах до Хунзахского плато, в плоскости – ниже по течению *Дангъиза* [Андийское Койсу] и до *Харачоя*. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением автора статьи И. Г. Семенова, согласно которому владения Сураката Аварского должны были бы входить в состав Хазарского каганата, если принять во внимание упоминание в письме хазарского царя Йосифа в числе его данников область *С.р.ди*, что можно реконструировать и как *Сарир, который принято считать наиболее ранним государством на территории расселения современных аварцев. При этом он полагает, что предлагаемое М. А. Агларовым со-

отнесение исторических реалий предания о Жугьут I хане с эпохой Хазарского каганата не находит опоры в источниках [41].

Однако при этом вне поля его зрения остается название *Дангъиз* Андийского Койсу, которое представляет собой явное усвоение из обще-, межтюрк. *денгиз* «море», существующего в основном огузским и отдельным кыпчакским, включая кумыкский, языкам [40, с. 194], как и в ареально смежной зоне распространения андийских языков *Харачо* (чеч. Харачоь / Хорачоь) тейп *Дишиний* с отмеченным выше генетически огузским названием. В свою очередь, чеч. *Хара-чоь*, где чеч.-инг. *чоь* «внутренность» (сюда же авар. *Харачли*, последняя часть которого может быть возведена к тюрк. *ичи* «внутренность (чего-либо)», в Унцукульском районе РД) может быть возведено к болгарскому с начальным *х-* (ср. чув. *хура*) – репрезентату пратюрк. *къара* «черный» > «масса, толпа» с омонимичным значением [55, с. 287], отразившимся в русск. *чернь* (черневая тайга) «густые пихтово-еловые (иногда горно-таежные) леса с примесью осины и березы в Сибири» [5]. К последней форме может быть возведено название южноаварского общества *Къара-хъ*, для которого, аналогично Харачою и авар. Харачли, характерен соответствующий ландшафт. В свою очередь, Сарир, как уже было показано нами, являлся одной из областей Хазарского каганата, в которой было представлено и в дальнейшем тюрко-болгарское население [24, с. 89], как, впрочем, и кумыкское с древнейших времен и до конца XVIII в. в области распространения андийского языка [23, с. 58–66].

Появление легенды о Жугьут I хане отражает, следует полагать, вхождение в состав Хазарского каганата также и болгароязычного населения, проживавшего по р. Андийское Койсу. Всё это с учетом установленного болгарского генезиса рассматриваемого крымского хоронима еще раз подтверждает наличие соответствующего населения в регионах Крыма и Северо-Восточного Кавказа до их вхождения в состав Хазарского каганата.

ВЫВОДЫ

Крым и Северо-Восточный Кавказ, в пределах которых были представлены рассмотренные хоронимы, являлись территориями, где еще в догуннское и раннее хазарское время проживали древние болгарские племена. Несмотря на то, что исходной областью их проживания считается, по крайней мере, еще с первых веков до н. э. Северный Кавказ, включая его Черноморское побережье, представляется возможным присовокупить сюда также и Крым. В пределах последнего обосновано древнеболгарское происхождение этнонима тавров, носители которого известны в VI в. до н. э. – I в. н. э.

На это указывает, помимо исторических и сведений собственно языкового порядка, древнеболгарское происхождение рассмотренных исконно тюркских хоронимов. Их известные лексические эквиваленты обнаруживаются и за пределами рассматриваемого региона в более поздних кыпчакских, а также в чувашском языках. В последнем из них представлена форма *чӑнкӑ*, звучание которой обусловлено позднейшими фонетическими процессами в среднечувашском языке. Они имели место после миграции в IX в. болгар в Поволжье.

Анализ хоронима *Чунгарс*, с которым связывается одноименный чеченский тейп (род), показал, что речь в армянских источниках дохазарского времени, в которых он лишь единожды упоминается, идет о высокогорной области, находившийся по течению реки Чанты-Аргун в нынешней Чечне. В первой части ее названия отложился рассматриваемый древнебулгарский хороним, второй – собственно тюркская, хронологически более поздняя часть этого гидронима. Историческим центром соответствующей области могла быть крепость с пратюркским названием Фаранз в чеченском обществе *Май-ста* и ее вариант *Варас*, известный соседнему чеченскому обществу *Маьлхиста*.

Она была, согласно преданию, захвачена в прошлом евреями (хазарами). Это вместе с распространенностью в данном обществе древнего тюркского культа богини Умай подтверждает дохазарское время бытования соответствующего ойконима и рассматриваемого хоронима. В ареально смежных обществу *Май-ста* зонах устанавливаются иные чеченские хоронимы и ойконимы, также имеющие тюрко-булгарское происхождение.

Было установлено также тюрко-булгарское происхождение названий таких чеченских обществ, как *Дишний-Мохк*, которое локализовалось по верхнему левобережью р. Чанты-Аргун и ареально смежными с ним *Тер-л-ой*, *Кейн-мохк*, часть которого имела кумыкское происхождение, и *Харачой*. Последнее находится в непосредственной территориальной смежности с Дагестаном, и булгарский генезис его названия непосредственно поддерживается аналогичным наименованием аварского с. *Харачли*, а также южноаварского общества *Къара-хъ*, иного, собственно тюркского происхождения.

С более поздней чувашской формой *чӑнкӑ* связывается андийский ойконим *Чанко*, ареально смежный с рассматриваемой зоной. В свою очередь, анализ андийской легенды о Жугьут I хане вкупе с иными историческим и языковыми фактами позволил прийти к выводу, что болгароязычное население, которое проживало в нынешнем высокогорном юго-западном Дагестане по р. Андийское Койсу, также вошло в состав Хазарского каганата. В него же входила и ареально смежная данному региону область царства Сарир, в которой до распространения в ней нынешних носителей аварского языка было также достаточно длительное время представлено тюрко-булгарское население.

Всё это говорит, что оно было представлено в обоих регионах в дохазарское время, как, впрочем, и в иных высокогорных районах Чечни, о которых говорилось в предшествующем изложении. Более глобальный вывод, к которому представляется возможным прийти после произведенного анализа, заключается в том, что в пределы Хазарского каганата входили в дальнейшем не только равнинные и предгорные, но и вышеупомянутые высокогорные территории. В их пределах проживает в настоящее время население, говорящее на чеченском и аваро-андийских языках.

Список литературы

1. Арсаханов И. А. Чеченская диалектология / И. А. Арсаханов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1969. – 211 с.
2. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. – 523 с.
3. Асламбеков С. Чунгарой [«Ча/н/-гарой»]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// ichkeria.info / index.php/...](http://ichkeria.info/index.php/...)
4. Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андреяульское городище / Д. М. Атаев, М. Г. Магомедов // Древности Дагестана. – Махачкала, 1975. – № 5. – С. 121–139.
5. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http:// vedu.ru > bigenodic /70621 /...](http://vedu.ru/bigenodic/70621/)
6. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1901. – Т. 32 (63). – 480 с., 14 л. илл., карт.
7. Бушаков В. А. Большой топонимический словарь Крыма / В. А. Бушаков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http:// kimmeria.com / crimea_placenames / appearance / appearance_14_01.htm](http://kimmeria.com/crimea_placenames/appearance/appearance_14_01.htm)
8. Бушаков В. А. Историческая топонимия Крыма: автореф. дисс... докт. филол. наук / В. А. Бушаков. – Киев, 2005 (на укр. языке). – 41 с.
9. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
10. Взаимоотношения алан-иранцев и вайнахов по данным языка и фольклора [Электронный ресурс]. Режим доступа: // [http:// newparlament. ru / tribune / view /2615](http://newparlament.ru/tribune/view/2615)
11. Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана / М. Г. Гаджиев, О. М. Давудов, А. Р. Шихсаидов. – Махачкала, 1996. – 462 с.
12. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. / А. В. Гадло. – Л.: Наука, 1979. – 214 с.
13. Гмыря Л. Б. Некоторые сведения о гуннах в Дагестане / Л. Б. Гмыря // Материалы по археологии Дагестана (Древние и средневековые памятники Дагестана). – Махачкала, 1980. Вып. 9. – С. 151–154.
14. Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот / Л. Б. Гмыря. – Махачкала, 1995. – 228 с.
15. Гмыря Л. Б. Политические образования Прикаспийского Дагестана в постарабский период (IX–X вв.) / Л. Б. Гмыря // Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Этногенетические исследования. – Махачкала, 1998. – С. 170–176.
16. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Н. Голб, О. Прицак. – М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. – 225 с.
17. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Султан-Мут, кумыки и их предки в Чечне и Ингушетии (на материале исторических, фольклорных и языковых данных) / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Вести Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала, 2006–2007. Вып. 12–14. – С. 40–45.
18. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком / Г.-Р. А.-К. Гусейнов. – Махачкала, 2010. – 214 с.
19. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об области первоначального расселения протоболгар и происхождении их названия по историко-лингвистическим данным / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. – София, XXXVII (2013), 3. – С. 59–71.
20. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К этно- и политогенезу крымских татар и кумыков в историческом контексте их древних и средневековых взаимоотношений / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Крымское историческое обозрение. – Казань – Бахчисарай, 2014. № 2. – С. 23–38.
21. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об одной из вероятных областей первоначального распространения нахско-дагестанских и осетинского языков, или еще раз о северокавказских аланизмах / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // *Actalinguistica Petropolitana*. – СПб., 2014. Т. 10, ч. 1. – С. 515–534.
22. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Сравнительный анализ булгаризмов языков венгерского, Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в историко-этимологическом и ареальном контексте / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Российская тюркология. – М.-Казань, 2014. № 2 (11). – С. 20–26.
23. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Бурчебии, Сала и Аух у Д.-М. Шихалиева: некоторые аспекты историко-этимологической и ареальной интерпретации / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Этнокультура народов Северо-Восточного Кавказа середины XIX века. – Махачкала, 2015. – С. 50–75.

24. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об одной новейшей концепции древней и средневековой истории Северо-Восточного Кавказа в контексте современных проблем межнациональных отношений в регионе / Г.-Р. А.-К. Гусейнов // Материалы Международной научной конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы Кавказа». – Назрань, 2016. – С. 80–104.
25. Дауев Саламу. Чечня: Коварные таинства истории / С. Дауев. – М., 1999. – 245 с.
26. Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей / И. А. Дахкильгов: Чечено-Ингушское книжное издательство. – Грозный, 1978. – 136 с.
27. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
28. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков / А. В. Дыбо. – М.: Восточная литература, 2007. – 223 с.
29. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары, 1964. – 355 с.
30. Имнайшвили Д. С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков / Д. С. Имнайшвили. – Тбилиси, 1977. – 299 с.
31. История Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://ru.wikipedia.org/wiki/История_Крыма
32. Керимов И. К. Хасавюртовский диалект кумыкского языка / И. К. Керимов // Уч. зап. Дагестанского государственного женского пединститута. – Махачкала, 1957. – Т. 1. – С. 207–232.
33. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. / П. К. Коковцов. – Л., 1932. – 173 с.
34. Крым [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Крым>
35. Кумыкско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 408 с.
36. Мамакаев М. Чеченский тайп в период разложения / М. Мамакаев. – Грозный, 1973. – 98 с.
37. Микропонимия Пуога [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://nohchalla.com/istoriya/>
38. Саидова П. А. Андийский язык / П. А. Саидова // Языки Дагестана. – Махачкала – М., 2000. – С. 255–288.
39. Санжеев Г. Д., Тодаева В. Х. Монгольские языки / Г. Д. Санжеев, В. Х. Тодаева // Языки Азии и Африки. Т. V. Алтайские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 98–186.
40. Севортыян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / Э. В. Севортыян. – М.: Наука, 1980. – 396 с.
41. Семенов И. Г. Метаморфозы эпитета «еврейский» в дагестанских преданиях / И. Г. Семенов [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://file:///C:/index.php.Juhurocom>. Горские евреи.
42. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1984 – 484 с.
43. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
44. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
45. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
46. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии / А. С. Сулейманов. – Грозный, 1978. Ч. 2. – 299 с.
47. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии / А. С. Сулейманов. – Грозный, 1980. Ч. 3. – 222 с.
48. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии / А. С. Сулейманов. – Грозный, 1985. Ч. 4. – 223 с.
49. Топонимический словарь Крыма (Ч) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krymology.info/index.php>
50. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка / М. Р. Федотов. – Чебоксары, 1996. Т. 1. – 470 с.
51. Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование / М. А. Хабичев. – Черкесск, 1971. – 302 с.
52. Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы / И. Н. Храпунов. – Симферополь: Таврия, 1995. – 83 с.
53. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1970. – 202 с.
54. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1977. – 191 с.
55. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Восточная литература, 2000. – 261 с.

References

1. Arsakhanov I. A. Chechen dialectology. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1969, 211 p.
2. Artamonov M. I. History of the Khazars, Leningrad, State Hermitage Publishing House, 1962, 523 p.
3. Aslambekov S. Chungara [Cha/n/-garoi]. [Electronic resource]. Mode of access: [http://ichkeria.info/index.php/...](http://ichkeria.info/index.php/)
4. Atayev D. M. Magomedov M. G. Andreyaul settlement. Antiquities of Daghestan, Makhachkala, 1975, no. 5, pp. 121–139.
5. Grea Encyclopedic Dictionary. [Electronic resource]. Mode of access: [http://vedu.ru/bigencdic/70621/...](http://vedu.ru/bigencdic/70621/)
6. Brockgauz F. A., Efron I. A. Encyclopedic Dictionary, St. Petersburg, 1901, vol. 32 (63), 480 p. 14 sheets. ill., maps.
7. Bushakov V. A. Big toponymic dictionary of Crimea. [Electronic resource]. Mode of access: http://kimmeria.COM/crimea_placenames/appearance/appearance_14_01.htm
8. Bushakov V. A. Historical toponymy of Crimea. Abstract. of diss. ... doctor of Philology, Kiev, 2005 (in Ukrainian), 41 p.
9. Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1998, 685 p.
10. Mutual relations between alan-Iranians and Vainakh according to the language and folklore. [Electronic resource]. Mode of access: <http://newparlament.ru/tribune/view/2615>
11. Gadzhiyev M. G., Davudov O. M., Shikhsaidov A. R. History of Daghestan. Makhachkala, 1996, 462 p.
12. Gadlo A. V. Ethnic history of the North Caucasus in IV–X centuries. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1979, 214 p.
13. Gmyrya L. B. Some information about the Huns in Daghestan. Materials on Daghestan Archaeology (Ancient and medieval monuments of Daghestan). Makhachkala, 1980, vol. 9, pp. 151–154.
14. Gmyrya L. B. Country of the Huns in the Caspian Gates. Makhachkala, 1995, 228 p.
15. Gmyrya L. B. Political entities in the Caspian Daghestan in postarabian period (IX–X centuries). Daghestan in the era of the Great Migration. Ethnogenetic research. Makhachkala, 1998, pp. 170–176.
16. Golb N., Pritsak O. Khazar-Jewish documents of the X century. Moscow – Jerusalem, Gesharim Publ., 1997, 225 p.
17. Guseinov G.-R. A.-K. Sultan-Mut, Kumyks and their ancestors in Chechnya and Ingushetia (on the basis of historical, folklore and language data). Messages of the Kumyk scientific-cultural society, Makhachkala, 2006-2007, vol. 12–14, pp. 40–45.
18. Guseinov G.-R. A.-K. The history of ancient and medieval relations between the North-Eastern Caucasus and Daghestan languages with Russian. Makhachkala, 2010, 214 p.
19. Guseinov G.-R. A.-K. The region of the original settlement of Bulgarians and the origin of their names on the historical and linguistic data / G.-R. A.-K. Guseinov // Palaeobulgarica / Starobolgaristika. Sofia, 2013, vol. XXXVII, no. 3, pp. 59–71.
20. Guseinov G.-R. A.-K. To the ethno- and politogenesis of the Crimean Tatars and Kumyks in the historical context of their ancient and medieval relations / G.-R. A.-K. Guseinov // Crimean historical review. – Kazan – Bakhchisaray, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, no. 2, pp. 23–38.
21. Guseinov G.-R. A.-K. On one of the possible areas of initial spread of the Nakh-Daghestan and Ossetian languages, or again about North-Caucasian Alanismes. Acta linguistica Petropolitana, St. Petersburg, 2014, vol. 10, part 1, pp. 515–534.
22. Guseinov G.-R. A.-K. A comparative analysis of Bulgarisms in Hungarian and in the languages of Northeastern Caucasus and Daghestan in historical, etymological and areal context. Russian turkology. Moscow-Kazan, 2014, no. 2 (11), pp. 20–26.
23. Guseinov G.-R. A.-K. Burchebijes, Sala and Aukh at D.-M. Shikhaliyev: some aspects of the historic-etymological and areal interpretation. Ethnic Culture of the peoples of the North-Eastern Caucasus in middle of

the XIX century. Makhachkala, 2015, pp. 50–75.

24. Guseinov G.-R. A.-K. About one modern concept of the ancient and medieval history of the North-East Caucasus in the context of contemporary problems of international relations in the region. Proceedings of the International scientific conference «Humanitarian and socio-political problems of the Caucasus». Nazran, 2016, pp. 80–104.

25. Dauev Salamu. Chechnya: Insidious ordinances of history. Moscow, 1999, 245 p.

26. Dahkhilgov I. A. Historical Chechens and Ingush folklore. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1978, 136 p.

27. Old Turkic Dictionary. Leningrad, Science publishing house, 1969, 676 p.

28. Dybo A. V. Linguistic contacts of early Turks. Moscow, Eastern Literature publishing house, 2007, 223 p.

29. Egorov V. Etymological dictionary of Chuvash language. Cheboksary, 1964, 355 p.

30. Imnaishvili D. S. Historical and comparative analysis of the Nakh language's phonetics. Tbilisi, 1977, 299 p.

31. The history of the Crimea [Electronic resource]. Mode of access: // http://ru.wikipedia.org/wiki/Istoriya_Kryma

32. Kerimov I. K. Khasavyurt dialect of the Kumyk language. Memoirs of Daghestan State Women Pedagogical Institute. Makhachkala, 1957, vol. 1, pp. 207–232.

33. Kokovtsov P. K. Jewish – Khazar Correspondence in the X century. Leningrad, 1932, 173 p.

34. Crimea [Electronic resource]. Mode of access: // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Crimea>

35. Kumyk-Russian dictionary. Moscow, Soviet Encyclopedia publishing house, 1969, 408 p.

36. Mamakayev M. Chechen Taip during decomposition. Grozny, 1973, 98 p.

37. Microtoponyms of Puogla [Electronic resource]. Mode of access: // [http://nohchalla.com/istoriya/..](http://nohchalla.com/istoriya/)

38. Saidova P. A. Andic language. Languages of Daghestan. Makhachkala – Moscow, 2000, pp. 255–288.

39. Sanjeev G. D., Todaeva W. H. Mongolian languages. Languages of Asia and Africa. Altai languages. Moscow, Nauka publishing house, 1993, vol. V, pp. 98–186.

40. Sevortyan E. V. Etymological dictionary of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 1980, 396 p.

41. Semenov I. G. Metamorphosis of epithet «Jewish» in Daghestan legends [Electronic resource]. Mode of access: // <http://file:///c:/index.php>. Juhuro com. Mountain Jews.

42. Comparative and historical grammar of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 1984, 484 p.

43. Comparative and historical grammar of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 2001, 822 p.

44. Comparative and historical grammar of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 2002, 767 p.

45. Comparative and historical grammar of Turkic languages. Moscow, Nauka publishing house, 2006, 908 p.

46. Suleymanov A. S. The toponymy of the Chechen-Ingush. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1978. Part 2. 299 s.

47. Suleymanov A. S. The toponymy of the Chechen-Ingush. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1980. Part 3. 222 p.

48. Suleymanov A. S. The toponymy of the Chechen-Ingush. Grozny, Chechen-Ingush publishing house, 1985. Part 4, 223 p.

49. Toponymic Dictionary of Crimea (Ch.) // [Electronic resource]. Mode of access: <http://krymology.info/index.php>.

50. Fedotov M. R. Etymological dictionary of Chuvash language. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p.

51. Habichev M. A. Karachay-Balkar nominal formation. Cherkessk, 1971, 302 p.

52. Khrapunov I. N. Sketches of the Crimea ethnic history in the early Iron Age. Tavres. Scythians. Sarmatians. Simferopol, Tavria publishing house, 1995, 83 p.

53. Shcherbak A. M. Comparative phonetics of Turkic languages. Leningrad, Science publishing house, 1970, 202 p.

54. Shcherbak A. M. Essays on the comparative morphology of the Turkic languages. Name. Leningrad, Nauka, 1977, 191 p.

55. The etymological dictionary of Turkic languages. Moscow, Eastern Literature publishing house, 2000. 261 p.

Guseinov G.-R. A.-K. The Crimean Tatar horonim chonggar «Chongar» and «Hun» oiconym chungars in the context of question about prehzarian language belonging of the Crimea and the Northeast Caucasus population / G.-R. A.-K. Guseinov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 322–336.

The article devoted to topical problems of linguistic identite prehzar population of the Crimea and North-Eastern Caucasus. It has not yet been the subject of special consideration. In accordance with its purpose, in addition to historical and linguistic information, to the analysis are drawn primarily toponymic data. Most revealing among these are burying the horonim *Chongar* and the oiconym *Coungars*. Consideration involved and other place names in both regions, and a separate ethnonyms and ethnicons.

The Crimea and the North-Eastern Caucasus, in which limits they were presented, are areas where in prehzarian and early Khazar time lived ancient Bulgarian tribes. Source area of their residence from the first century BC was the North Caucasus, including the Black Sea coast and the Central part of North Caucasus. In addition, established the ancient origin of the ethnonym *Tauri*, the carriers of which were known on the South coast of the Crimea was still earlier – in the VI century BC-I century ad. It may indicate a similar origin of its speakers. It is possible, if to keep in mind the details of the letter of Kagan Joseph V. X and other data that such an ethnonym was known in the North-Eastern Caucasus, in particular, in the mountainous Dagestan. Here as part of the Khazar khanate even before the wars with the Arabs referred to the region Tabasaran/Tabasaran, wholly within Dagestan and at the present time.

The same was said within the North-Eastern Caucasus and the ancient Bulgarian origin presented here an original bury *Chongar* and has *Chungars*. Their well-known lexical equivalents found outside the region at a later Kypchak, as well as in the Chuvash languages. The last of them submitted form *čānkā*, the sound of which is due to subsequent phonetic processes in Central average Chuvash language. They took place after migration Bulgars in the Volga region in IX c., apparently from the territory of the North-Eastern Caucasus.

Analysis of bury Courgars (it is associated with bound to the eponymous Chechen society, which originally was located in the flows of the river Argun) showed that speech in prehzar Armenian sources goes about high mountain region, which was localized by the river *Chanti-Argun* in today's Chechnya. In the first part of its name rebelled consider the ancient Bulgar bury. The second – Turkic bury, chronologically later part of this hydronym, also known in the East Turkic languages. The historical center of the considered area could be a fortress with prototurkic name of *Faranz* in Chechen society *Mai-sīa* and its variant *Varas*, known for the nearby Chechen society *Malhi-sīa*.

According to legend, it was captured in the past by Jews (Khazars). This, together with the prevalence in the society of ancient Turkic goddess Umay, confirms prehzar time of existence of the relevant placenames and review bury. In areas adjacent areal Chechen society Mai-hundred establishes other, relatively numerous Chechen placenames, which also have Turkish-Bulgarian origin.

It was identified as the Turkish-Bulgarian origin of the names of these Chechen societies, as *Dishni-Mokhk*, which were located on the upper left Chanty-Argun river and areal related, *Horacho*, *Tier-lo* and *Kane-Mokhk*, part of which population had Kumyk origins. The first of these is in the immediate territorial adjacency with Dagestan, and Bulgar the Genesis of its name is directly supported to the same origin of the names Avar village of *Kharachi* and Turkic Genesis titles universal companies *Qara-x*.

With a later the Chuvash form *čānkā* associated Andic oiconym *Chanco*, geographically adjacent to the considered area. Analysis of Andic legends of *Juggut Khan*, coupled with other historical and linguistic facts are allowed to come to the following conclusion. It is that bulgar language population, which was lived in the current mountainous South-Western Dagestan, along the river Andic Koisu, also became part of the Khazar

khanate. Within it was areal adjacent to the region region of the *Sarir Kingdom*. It to spread within the current media Avar language was quite a long time represented the Turkish-Bulgarian population.

It lived in both regions in prehazar time, as in other high mountainous areas of Chechnya, as mentioned in the previous presentation. After the made analysis it is possible to come to a more global conclusion, according to which within the Khazar Khaganate were part of the future, not only plain and foothills, but also the mountainous region of North-Eastern Caucasus with their Bulgarian population. Within them lives in the present community residents speaking in Chechen and Avar-Andic languages.

Keywords: horonim, hidronym, Crimean Tatar, Crimea, Northeast Caucasus, ancientbulgarian, Khazar khanate.